

РЕЦЕНЗИЯ
НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
по административному делу № 2а-1270/2019 от 26 июня 2019 г.

29 июля 2019 г. г. Москва

Академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (специальность: «10.02.01 – Русский язык», стаж работы 44 года, стаж экспертной работы свыше 30 лет), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (удостоверение судебного эксперта №0080; свидетельство эксперта №079-01/17-СЭ), Михаил Викторович ГОРБАНЕВСКИЙ,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (специальность: «10.01.10 – Журналистика», стаж работы 40 лет, стаж экспертной работы свыше 20 лет), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (удостоверение судебного эксперта №0234; свидетельство эксперта №065-12/17-СЭ), Елена Станиславовна КАРА-МУРЗА

на основании запроса адвоката Попова И.В. от 25.07.2019 г., рег.№60/83 в Адвокатской палате Псковской области, выполнили консультативное рецензирование судебно-лингвистической экспертизы В.Н. Белоусова и А.К. Руденко (ФГБОУ ВО МГЛУ), произведенной по материалам административного дела № 2а-1270/2019 26 июня 2019 г. на основании определения Псковского городского суда Псковской области от 26 апреля 2019 г.

При рецензировании использованы следующие источники:

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

1. Конституция Российской Федерации. – Электронный доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

3. УК РФ Статья 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма. –
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c2877fe51a75f612e1df0f008c620980638457ba/

4. «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

5. «О средствах массовой информации»: Федеральный закон от 21.12.1991 № 2124-1 (ред. от 06.06.2019). –
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/

6. Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» – <https://base.garant.ru/12123142/>

7. Приказ Минюста РФ от 9 марта 2006 года №36 «О перечне родов (видов) экспертиз». – <http://rusexpert.ru/public/guild/17.pdf/>

8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 г. Москва // 17 февраля 2012 г. Российская газета – Федеральный выпуск № 5708 (35)

9. Рабатский план действий о запрете пропаганды национальной, расовой и религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию
<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/11/d30593/>

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ И ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ:

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – Москва: Юридическое издательство Норма, 2009

2. Бабич О.В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2015 г. – Электронный доступ: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/babich.html/>

3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – Москва, 2007

4. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Труды первой Интернет-

конференции «Право как дискурс, текст и слово», 2010. Электронный доступ: <http://lawlibrary.ru/article2352255.html/>

5. Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ – М., 2010 (Роскомнадзор)

6. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – Москва: Либерком, 2012.

7. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул, 2009

8. Вартанова Е.Л. Теоретический анализ российской медиасистемы: между общим и особенным, формальным и неформальным. – Вопросы теории и практики журналистики, 2013. – Электронный доступ: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoreticheskiy-analiz-rossiyskoy-mediastemy-mezhdu-obshim-i-osobennym-formalnym-i-neformalnym/>

9. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. – Москва, 2006

10. Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы // Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников. – Москва, 2013

11. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. – 2017, № 1. – С. 106-112

12. Довгалева Е. Лингвистическая экспертиза материалов по делам об оправдании терроризма и иной террористической деятельности. – Электронный доступ: <http://lingvo-sud-expert.ru/publications/item/20008/>

13. Ермоленкина Л.И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы»). // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2014. Электронный доступ: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/yermolenkina_l_i_14_5_152_10_151_2014.pdf/

14. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М.В. Горбаневского. – Москва: Юридический Мир, 2006.

15. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – № 1 (27). – С. 47-71

16. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014
17. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011
18. Лингвистическое исследование текстов для выявления в них призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Методические рекомендации по интерпретации смысла призывов (типовая методика). / Под ред. Л.П. Крысина. – Москва, 2008
19. Медиасистема России / под ред. Е.Л. Вартановой. – Учеб. пособие. – Москва, Аспект Пресс, 2015
20. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации. – Москва, 2013
21. Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко – Санкт-Петербург, 2000
22. Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов: Пер. с англ. – Москва, 1986
23. Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации: Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. — Москва: Смысл, 2003
24. Ратинова Н.А., Кроз М.В. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2013. № 1 (29). С. 35-42
25. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Кварта, 2001
26. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста. Методическое пособие. – Воронеж: Гарант, 2010
27. Стернин И.А. Проблема скрытых смыслов в лингвистической экспертизе. Электронный доступ: <https://docplayer.ru/29818432-I-a-sternin-problema-skrytyh-smyslov-v-lingvisticheskoy-ekspertize.html/>
28. Судебная экспертиза: типовые ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – Москва, Проспект, 2015. – Изд. 2

29. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. – Москва: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011

30. Типовая методика лингвистической экспертизы. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2009

31. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – Москва: ФЗГ, 2002

32. Щербинина Ю.В. Методы диагностики речевой агрессии // Прикладная психология и психоанализ. 2001. № 3

33. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников» – Москва: ФЗГ, 2013

34. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / Кузнецов С.А., Оленников С.М. – Москва, 2014

СЛОВАРНЫЕ ИЗДАНИЯ:

1. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – Москва, 2000

2. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка-М., 2005

3. Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург, Норинт, 2003

4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – Москва, 2003

5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. / Под ред. Г.Н. Складневской. – Москва, 2007

РЕЦЕНЗИЯ

А. Общие положения.

Судебная экспертиза определяется как «процессуально регламентированное экспертное ... исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний» (см. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве:

организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. – М: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011). Деятельность лингвиста-эксперта регулируется законодательно – ФЗ № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Причем его юрисдикция распространяется как на экспертов, работающих в государственных учреждениях, так и на высококвалифицированных специалистов, которые, работая в вузах, в академических институтах, в индустриях, привлекаются к выполнению экспертиз благодаря своим познаниям.

В теории судебной экспертизы сформулированы общие принципы допустимости методов: «законность и этичность, научность, точность, надежность, безопасность, эффективность и воспроизводимость» (Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. – М.: Норма, 2009).

Результаты исследования излагаются в экспертном заключении. Это особый жанр юридической документации в составе юридического подстиля делового стиля русского литературного языка. Экспертное заключение характеризуется определенными тематическими, композиционными и языковыми признаками и существует в двух поджанрах – заключения эксперта, которое выполняется по определению суда, и заключения специалиста, которое выполняется по заказу сторон судебного спора.

Оно должно соответствовать определенным требованиям, в числе которых важное место занимает научная обоснованность используемых экспертом теоретических положений и предлагаемых методов исследования, достоверность фактических данных. В этой связи важно отметить, что в соответствии со ст. 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований» Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» *«Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме».* Указанное требование также содержится в ст. 57 УПК РФ: *«3. Эксперт вправе... 4) давать заключение в пределах своей компетенции...».*

Как в любом виде деятельности, в судебной экспертизе бывают ошибки – их выявлению, классификации и профилактике посвящено много специальных работ; см., например, в списке литературы: «Судебная экспертиза: типовые ошибки», издание подготовлено в основном коллективом ИСЭ МГЮА им. О. Е. Кутафина под редакцией его директора, профессора Е. Р. Россинской.

В судебно-экспертной деятельности сформировалось особое направление профессиональной критики. Критический анализ экспертных ошибок, вольных и невольных, воплощается в особом жанре научно-методической рецензии.

Все эти требования предъявляются и к судебной лингвистической экспертизе (СЛЭ), которая начала активно развиваться во второй половине 90-х гг. XX в. и официально вошла в список речеведческих криминалистических экспертиз приказом МВД в 2006 г. За истекшие годы в ее пределах как рода экспертиз сформировались такие виды, как экспертиза диффамационных деликтов (распространения порочащих сведений и оскорбления), экспертиза ненадлежащей рекламы, незаконной агитации, словесных форм экстремизма и многое другое.

За четверть века развития лингвистических судебных экспертиз сложилась научно-методическая база их производства. В ее основе общая теория СЭ (в последние годы она все чаще называется «экспертология») и частной теории лингвистической экспертизы как направление прикладной лингвистики. Функционировавшая в разных научных школах под разными названиями («лингвокриминалистика», «юрислингвистика», «судебное речеведение»), в последние годы она все чаще обозначается как «лингвоэкспертология» и достигла высокого уровня развития.

Завершающим этапом лингвоэкспертного исследования также является составление письменного заключения. Именно оно фигурирует в следствии и в судопроизводстве, обеспечивая корректность доказательной базы. Именно по его качеству можно делать выводы о научной компетенции и квалификации эксперта, о качестве всего проведенного исследования.

Указанные принципы означают прежде всего научную обоснованность, методологическую адекватность и логическую непротиворечивость теоретических положений, анализа фактических данных и выводов, что «предполагает научную, логическую и методическую грамотность проведенного исследования и изложения его результатов» (см. Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Издание Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, по заказу Роскомнадзора. М.: ИПК Информкнига, 2010).

В рамках указанных видов СЛЭ сложились и продолжают совершенствоваться стандарты производства экспертиз и написания жанра экспертных заключений в его жанровых разновидностях. По

вышеупомянутым речевым деликтам разработаны и дорабатываются стандартные вопросники, содержательные и композиционные каноны текстов.

Законодательное оформление всё новых речевых правонарушений и преступлений требует создания новых типовых экспертиз. Так, формируется база для производства лингвистических экспертиз по ст. 205.2 УК РФ – оправдание терроризма (см. в списке литературы статьи О.В. Бабич, Л.М. Голикова, Е. Довгалевой). В 2019 году на повестку дня встала разработка типовой экспертизы по такому правонарушению, как выражение неуважения к власти в неприличной форме.

Учитывая политическую нагруженность многих речевых преступлений и правонарушений (от распространения порочащих сведений и оскорблений до призывов к экстремизму и оправданий терроризма), сегодня к этому роду судебных экспертиз предъявляются повышенные требования в плане научности, методологической адекватности и логической непротиворечивости (см. в списке литературы раздел проф. Е. И. Галяшиной об ошибках при производстве лингвистических экспертиз в коллективной монографии под ред. проф. Е. Р. Россинской). При наличии экспертных ошибок, при подозрении на них применяется профессиональная критика в вышеупомянутом жанре научно-методической рецензии.

Б. Рецензирование заключения экспертов В.Н.Белюсова и А.К.Руденко.

1. Анализ представленного для исследования «Заключения судебно-лингвистической экспертизы» проводился исключительно в пределах компетенции специалиста-лингвиста.

Рецензирование проводилось с указанием требований к производству и оформлению отдельных этапов экспертного исследования, после чего осуществлялось сопоставление фрагментов заключения, формулировался общий вывод.

1. «Заключение судебно-лингвистической экспертизы» В.Н. Белюсова и А.К. Руденко, произведенное по материалам административного дела № 2а-1270/2019 на основании определения Псковского городского суда Псковской области от 26 апреля 2019 года, представляет собой комиссионную лингвистическую экспертизу, в которой должны быть реализованы лингвистические специальные познания экспертов.

2. В целом рецензируемое экспертное заключение В.Н. Белоусова и А.К. Руденко выполнено с учетом требований Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». В композицию заключения входят многие из необходимых компонентов: дана подписка экспертов, предоставлены сведения об экспертах, место и время производства экспертизы.

Однако, по неизвестным причинам, **отсутствуют данные о специальности экспертов**. Как не раз отмечалось специалистами, филологическое образование имеет две специализации – литературоведческую и лингвистическую. О явлениях такого рода совершенно ясно говорится в работе Кукушкиной О.В. Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» – М.: ФБУ РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ, 2011: *«... нужно учитывать, что в филологии существует четкое разделение на лингвистов и литературоведов. Исходя из методов, применяемых в...исследованиях, эксперт филолог должен быть специалистом в области лингвистики, так как в «паспорт специальности» литературоведа не входит в качестве обязательного владение методами семантического описания значений языковых единиц и приемами экспликации имплицитно выраженных значений»* (с.23). Таким образом, указание на лингвистическую специальность является крайне важным.

3. Как отмечалось выше, в экспертном заключении В.Н. Белоусова и А.К. Руденко указано время и место производства экспертизы, **однако отсутствуют сведения о том, где хранились материалы административного дела в период, когда эксперты не работали над спорными текстами**.

Не охарактеризованы обстоятельства дела и материал для исследования. В частности, описание публикации журналистки С. Прокопьевой в Псковской ленте новостей ограничивается формулировкой «печатный текст под заголовком “Репрессии для государства”». **Полное отсутствие** типологической характеристики спорного текста С. Прокопьевой **в разделе «Основания проведения исследования»** соответствует полному отсутствию его дискурсивной характеристики в исследовательской части, что **негативно отразилось на качестве анализа этого текста**.

4. **Крайне скудно** в данном экспертном заключении представлен **раздел библиографии**: из семи наименований два представляют собой нормативные документы (законы РФ), одно наименование – словарь

русского языка. В списке **отсутствуют основополагающие работы лингвоэкспертологии** – такие, как: а) Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», изданная Минюстом РФ в 2011 году, б) Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2014; в) Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / Кузнецов С.А., Оленников С.М. – М., 2014, и др. **Полностью отсутствует** литература по экспертизе такого речевого преступления как оправдание терроризма. **Полностью отсутствуют** публикации авторов по данной конкретной лингвоэкспертной проблеме и вообще по лингвоэкспертной проблематике. **Это заставляет сомневаться в компетентности соавторов рецензируемого заключения.**

Между тем, надёжность полученных экспертных результатов во многом базируется на использовании научных трудов отечественных и зарубежных ученых, справочных данных, инструктивных и нормативных документов. **Отсутствие в заключении лингвистической экспертизы вышеперечисленных библиографических источников позволяет оценить его как необоснованное** (см. Бюллетень Верховного суда СССР, 1982, №6, с.25, 26).

5. В лингвистической экспертизе важнейшее значение имеет методология и методика. Они определяют как характер исследования, так и полученные выводы. Без знания методологических основ невозможно верно интерпретировать материал, извлекаемый из спорного текста, и делать доказательные выводы.

В этой связи в методической литературе для судей, следователей и экспертов отмечается: *«Заключение эксперта должно быть обоснованным и допустимым. Заключение ...оценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны... Допустимость ...состоит также в том, что методы и средства, используемые экспертом, должны быть надлежаще апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов, должны быть*

достоверно установлены...» (см. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006, с.72).

В Методических пособиях Министерства юстиции РФ указано, что лингвистическая экспертиза *«относится к семантическим исследованиям»; «лингвистический анализ этих средств позволяет установить, что именно сказано в тексте (о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации). По объекту и по цели этот анализ является семантическим. Лингвистический семантический анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)»* (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму», М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, с.21, с.33 и др.; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2014, с.15) [выделено нами – М.Г., Е.К.-М.].

В рецензируемом экспертном заключении В.Н. Белоусова и А.К. Руденко обращает на себя внимание **неточное и неполное обозначение «методов исследования»**, являющихся важнейшим аргументационным фактором судебного заключения (см. Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ – М., 2010, с.34). **В нем перечислено большое количество методов, которые вообще не имеют отношения к анализу спорного текста в определенном судом аспекте.** Экспертами В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко заявлены следующие методы: 1. Коммуникативно-смысловой – для анализа функциональной направленности текста, 2. Структурный, с помощью которого выделяются структурные части текста и их логические связи. 3. Нормативно-стилистический – анализ текста в целом и его отдельных компонентов, 4. Функционально-прагматический – определяющий способность воздействовать на языковой сознание аудитории (см.с.2-3). **Следует иметь в виду, что часть заявленных методов в языкознании просто не существует.** Так, в лингвистике отсутствует *коммуникативно-смысловой метод*. Для анализа коммуникативной направленности текста используется либо

функционально-стилистический метод, если речь идет о стилевой принадлежности и / или функциональном типе речи (описание, повествование, рассуждение), либо просто комплексный лингвистический анализ текста, одним из аспектов которого является выявление функций. Если же речь идет о текстовой функции какого-то средства в тексте, то используется *филологический* («герменевтический») анализ текста. Отсутствует в лингвистике и *нормативно-стилистический анализ текста в целом*. И наоборот, важным в работах такого рода является *семантико-стилистический метод* -- метод выявления так называемой стилистической маркированности слов и выражений, т.е. наличия оценочности, экспрессивных компонентов значения, которые непосредственно присутствуют в системно-языковой семантике слова и отражаются в словарях русского языка с помощью разнообразных стилистических помет. Если же анализируются указанные компоненты, возникающие в контексте употребления слова или выражения, но не отраженные при этом в словарях, тогда лучше говорить о функционально-стилистическом методе. **Однако этот метод экспертами В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко даже не упоминается.**

Выявление соответствия / несоответствия разных речевых элементов текста некоей норме не поможет выявить речевой акт «оправдание». Вместе с тем известно, что при выявлении коммуникативной направленности, коммуникативного намерения высказывания в лингвистической экспертологии широко используется концептуальный аппарат **теории речевых актов**, однако об этой теории **в рецензируемом заключении по неизвестным причинам не сказано ни слова**. Функционально-прагматический анализ речи, позволяет выявить иллокутивную функцию высказывания, то есть «коммуникативную направленность», намерение, и определить тип речевого акта. И, наконец, «*способность воздействовать на языковое сознание аудитории*» не выявляет ни один лингвистический метод, более того, любое рассуждение на эту тему – всегда выход за пределы компетенции лингвиста-эксперта в область психологической экспертизы.

В заключении экспертов В.Н. Белоусова и А.К. Руденко отсутствует осознание того, что в настоящее время производство лингвистических экспертиз обеспечено, с одной стороны, целостной лингвоэкспертной методологией, а с другой – методиками, специфическими для разных видов речевых преступлений. Этот факт также позволяет усомниться в лингвоэкспертной квалификации соавторов.

Экспертное исследование, проведённое В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко, нельзя признать методологически научно-обоснованным и допустимым.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что заключение экспертов В.Н. Белоусова и А.К.Руденко выполнено с нарушением требований закона, в частности Федерального закона №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности».

II. В рецензируемом экспертном заключении В.Н.Белоусова и А.К.Руденко выявлены ошибки и недочеты, позволяющие поставить под сомнение его научную обоснованность, а также опыт экспертной работы авторов:

1.В тексте рецензируемого экспертного исследования отсутствует раздел «Определение основных понятий», который должен содержать дефиниции важнейших терминов, используемых экспертом.

Одна из обязанностей эксперта/ экспертов состоит в том, чтобы обеспечивать профессиональные интересы тех лиц, которым предстоит использовать заключение в качестве средства доказывания, а для этого *«излагать ход и результаты исследования доступным литературным языком, указывая на выявленные в ходе исследования свойства и признаки объекта (факта, явления), мотивированно объясняя их..., и подробно объясняя специальные методические положения, новые малоизвестные методы и средства исследования со ссылкой на литературные источники»* (см. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории М.: Юридическое издательство Норма, 2009, с 470). Очевидно, что соавторы-лингвисты В.Н.Белоусов и А.К.Руденко не стараются быть понятными юристам – адресатам своего текста: федеральному судье Э.В.Кузнецовой и другим работникам Псковского городского суда Псковской области.

В рецензируемой работе судом на разрешение экспертов поставлены вопросы, требующие определения следующих понятий: коммуникативное намерение (вопрос 1), *а также определение речевых актов оправдания* (вопрос 2), **однако лингвистические (в том числе экспертные) дефиниции, стоящие за этими важнейшими терминами, в заключении экспертов не сформулированы.** Отсюда – значительное количество общих положений, таких, как на с.4 *«...коммуникативный эмоционально-оценочный замысел прослеживается уже в заглавии представленных на экспертизу материалов»*, не расшифровывая содержательный компонент

«замысла». Далее в исследовании указывается, что автор спорных материалов «напоминает» о взрыве в Архангельске, «оценивает» взрыв, «высказывает свое мнение» – заглавная коммуникативная установка – о причинах взрыва, «акцентирует внимание» на отсутствии в России условий для политического активизма, «объясняет» причины проведенной акции и др. (см.с.5), а **затем следует абсолютно бессодержательный вывод** о том, что «Такая [какая же именно?] коммуникативная установка влечет за собой формирование сложного коммуникативно-прагматического целого [интересно, что же под этим целым имеется в виду?], в котором журналист С. Прокопьева наделяет государство негативными инвективными коннотациями...негативно характеризует работу силовых ведомств ...» (см.с.5-6).

В разделе ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТЬИ экспертного заключения В.Н. Белоусова и А.К. Руденко **отсутствует анализ этого текста в целом, как публикации определенного жанра, созданного для определенной передачи в рамках авторской программы и перепечатанного в типологически определенном медиаресурсе. Однако без такого анализа нельзя сделать правильные выводы о содержании текста, в частности о его коммуникативном предназначении** (это – в компетенции лингвистов-экспертов).

Симптоматично, что и в формулировке первого вопроса, и в ВЫВОДАХ экспертного заключения В.Н. Белоусова и А.К. Руденко публикация С. Прокопьевой как материал для анализа описывается так: «Аудиозапись программы «Минутка просветления» на тему «Светлана Прокопьева в эфире «Эха Москвы» прольет свет на то, что осталось в тени, но заслуживает внимания». Слово ТЕМА употреблено совершенно неадекватно – для обозначения такого структурного элемента композитного медиатекста в рамках программы как **анонс**. Это означает, что у соавторов В.Н.Белоусова и А.К.Руденко отсутствуют достаточные знания о структуре медиатекста. Следовательно, их экспертные выводы не являются адекватными.

В заключении этого сверхкраткого лингвистического «исследования» (менее трёх страниц собственно анализа!), представляющего собой вырванные из текста цитаты, делается странный вывод, далёкий от вопросов, поставленных судом перед экспертами: «Языковое выражение эмоций через функции оценочности и обобщения являются в представленных материалах осмысленными, по основному языковому каркасу кодифицированными, то есть поднятыми до понятийного уровня сознания, а следовательно, языковые (лингвистические) средства используются автором преднамеренно в

соответствии с коммуникативным замыслом» (с.7).

Напомним, что перед В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко не ставился вопрос ни о «преднамеренном» использовании речевых средств, ни о «коммуникативном замысле». **Перед экспертами были поставлены четко сформулированные вопросы о «коммуникативном намерении оправдания терроризма» и о «лингвистических признаках оправдания терроризма» (см.с.2). Однако В.Н. Белоусов и А.К. Руденко «подменили» конкретный анализ общими рассуждениями.**

2. В разделе «Результаты проведенного исследования» без предварительного описания сразу делается вывод о том, что в спорных текстах С. Прокопьевой «...содержатся высказывания, которым присуще коммуникативное намерение оправдания терроризма...» (см.с.8) и лишь после этого вводятся понятия «терроризм» и «оправдание». Причем для понятия «терроризм» эксперты используют правовое определение, данное в ФЗ «О противодействии терроризму» и в части 1 ст.205 УК РФ. **Между тем существует и лингвистическое определение данного понятия, которое вполне коррелирует с правовым. Лексема терроризм в современном русском языке имеет следующее значение:** «*Политика устрашения и ликвидации политических противников с помощью террора, то есть диверсий, убийств, похищений и т.п.; тактика их осуществления*» (см. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. / Под ред. Г.Н.Скляревской. – М., 2007, с.982). Следует отметить, что в ст. 3 закона «О противодействии терроризму» (6 марта 2006 года № 35-ФЗ) дано следующее определение терроризма: «*терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий*».

Таким образом, эксперты В.Н. Белоусов и А.К. Руденко должны были бы выявить лексику с семантикой «насилия» и «устрашения», провести её анализ в контексте, а затем выявить средства положительной оценки со стороны автора спорных материалов. Однако лингвисты В.Н. Белоусов и А.К. Руденко избрали иной путь – сразу сделать правовой вывод об «оправдании терроризма», забывая, что в экспертной методической литературе прямо говорится о том, что «... эксперт не может и не должен решать вопрос о том, какие конкретные деяния попадают под юридическую квалификацию «терроризм», «экстремизм», «воспрепятствование законной деятельности», «нарушение тайны голосования», «нарушение

целостности» и т.п. (см. Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с.40). Таким образом, в данной части заключения экспертов В.Н. Белоусова и А.К. Руденко наблюдается выход экспертов за пределы профессиональной компетенции.

То же следует сказать и о характеристике ими молодого архангельского «взрывника» как «*террориста*» (см. с.6, 7), Причем лингвисты В.Н. Белоусов и А.К. Руденко, **нарушая пределы своей профессиональной компетенции**, рассуждают «*о степени виновности и степени ответственности террориста*», а также квалифицируют действия молодого человека как «*террористические*», «*террористический акт*», «*преступление*» (с.6,8). **Следует заметить, что подобная квалификация – прерогатива следствия и суда, юристов, а не лингвистов.** Специалистами в области экспертологии не раз отмечалось, что «*...эксперты стали интерпретировать языковые факты на основе правовых понятий...* [выделено нами – М.Г., Е.К-М] **...заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством, поскольку эксперт, отвечающий на правовые вопросы, выходит за пределы своей компетенции**». (см. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы /"Эксперт-криминалист", 2009, № 2; Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы / Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников» – М., 2013, с. 33). Именно этот недостаток присущ и рецензируемому заключению В.Н.Белоусова и А.К.Руденко.

3. Удивляет **непрофессиональное толкование экспертами понятия «оправдание»**. Лингвисты используют слово «оправдание» в общеязыковом значении, не затруднив себя даже выделением контекстной семантики, а переписав четыре значения из словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова (с.7). В.Н. Белоусов и А.К. Руденко, к сожалению, **не воспользовались ни научным лингвистическим подходом к речевому акту «оправдание», ни квалификацией «оправдания» в рамках ст. 205.2 УК РФ**, в которой оправдание дефинируется как «*публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании*».

Согласно теории речевых актов (см. Дж. Остин и Дж.Р. Серль : Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов: Пер. с англ. – М., 1986), высказывания, содержащие *оправдание* необходимости осуществления преступлений (геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения нелегитимного насилия) в отношении групп лиц, выделяемых по признаку национальной, религиозной или иной принадлежности, в своем содержании должны иметь следующие признаки:

1. По своей коммуникативной направленности таковые высказывания должны содержать либо призывы к враждебной или противоправной деятельности по отношению к поименованным объектам, либо суждения, оправдывающие чьи-то враждебные или противоправные действия (или хотя бы их необходимость) по отношению к поименованным объектам.

2. В качестве объектов содержания таких высказываний должны выступать отдельные личности или социальные группы людей, объединенных по какому-либо значимому признаку (раса, национальность, идеология, религия и пр.).

Оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону её улучшения. Оправдание реализуется в виде: А) утверждения о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких-либо действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. Ср. *Гитлер был прав; Он был вынужден это сделать.* Б) положительной оценки лица, оцениваемого остальными негативно (ср.: *Гитлер – молодец!*).

И утверждение, и оценка могут быть подкреплены доводами. В качестве главного довода обычно используются ссылки: (1) на справедливость цели: (*Мы/они сделали это, потому что хотели, чтоб всем было лучше*); (2) на негативные внешние обстоятельства, которые послужили причиной нарушающих нормы действий (*Мы/они вынуждены сделать это, потому что имело место следующее негативное положение дел...*). Негативно воспринимаемые остальными действия оправдываемого лица при этом часто не описываются и остаются в тени (в отличие от обвинения).

При анализе речевого акта *оправдание* важно обратить внимание на позицию автора:

(1) он может частично признавать негативную сторону оправдываемого объекта речи (*Да, он виноват, но...*). (2) он может

утверждать, что негативная общественная оценка предмета речи неправильна, и пытаться доказать это (*Я/он молодец, прав, а вы/они не правы*). В первом случае можно говорить о *частичном оправдании* кого/чего-либо; во втором – о полном оправдании, а при наличии героизации – о полном оправдании путем восхваления (см.: Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011, с.106-107).

С учетом изложенного, в качестве специальных лингвистических признаков оправдания терроризма подлежат рассмотрению а) суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных; б) суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста.

Важно отметить и следующее положение: «семантическим признаком оправдания является положительная оценка уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных причин (оснований) для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем. (см. Бабич О. В., Меликян В. Ю. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма //Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. – 2015, с. 331-338).

Не владея методикой экспертного анализа, В.Н. Белоусов и А.К. Руденко в качестве средств «оправдания» манифестируют: а) негативную характеристику государства (*безжалостное, репрессивное*), б) стилистическую маркированность (*ответочка, затащили, силком затащили*), в) словообразовательные средства (*путинская, силовик*), клише-ярлык (*проштампует решение*), просторечные образования (*гибэдэшники*), г) грамматическую оформленность: наречно-предикатные и усилительно-выделительные слова (*не мог, нет, буквально, вполне*), вводные слова (*на мой взгляд, главное*), оценочные конструкции (*думаю, что, посмотрим, что, надеюсь, что*), смысловые повторы (*жестокость порождает жестокость*), **которые к речевому акту «оправдание» в диспозиции статьи 205.2 УК РФ не имеют абсолютно никакого отношения.**

4. Выявленные в рецензируемом экспертном заключении просчеты приводят экспертов В.Н. Белоусова и А.К. Руденко к

недоказанным выводом о том, что в представленном материале *«содержатся высказывания, которым имплицитно присуще преднамеренное коммуникативное намерение оправдания терроризму (так!), то есть подтекстовая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации...»*. Однако, во-первых, имплицитное (то есть скрытое, неявное) содержание высказываний экспертами не исследовалось, так же как не исследовались и средства, выражающие подтекстовую информацию (тропы, нарушение стандартного функционирования языковых средств и др.). Во-вторых, любой вывод эксперта нуждается в лингвистической доказательной базе, которая отсутствует в рецензируемом экспертном заключении.

Об ошибках такого рода в судебных экспертизах писала профессор Е.И. Галяшина, зам. заведующего кафедрой судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина: *«...эксперты стали интерпретировать языковые факты ..., анализировать «мысли автора текста», «вычитывать» из произнесённых слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящими то, что не было сказано, но «имелось ввиду»* (см. Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы / Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников» – М., 2013, с. 33). Аналогичное мнение находим на с. 21 пособия Кукушкиной О.В. Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» Министерства юстиции РФ: *«Недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены средства его выражения»* [выделено нами – М.Г, Е.КМ.].

5. Самое существенное замечание к данному экспертному заключению состоит в том, что вопросы, поставленные на разрешение экспертов, вовсе не целиком и полностью входят в «компетенцию лингвистики». В теории и практике судебно-экспертной деятельности исследования подобного рода принято осуществлять в рамках **комплексной экспертизы**, с обязательным привлечением специалиста-психолога, так как ответ на поставленные вопросы неизбежно выходит за рамки компетенции исключительно лингвиста в силу самой объективной сущности. *«Текст есть продукт психической деятельности... Поэтому наиболее целесообразным является назначение по рассматриваемой категории дел психолого-лингвистической экспертизы <...> Основная задача экспертизы данного*

вида заключается в установлении на основе применения специальных знаний в области лингвистики и психологии наличия/отсутствия в тексте лингвистических и психологических признаков выражения определенного типа значения <...> Тип конфликта..., позиция автора... – все эти составляющие смысла текста требуют применения знаний в области социальной психологии... «То, что именно сказано, исследуется филологами. <...> **Направленность сказанного** исследуется психологами» (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. 2011, с.18, с.22-24).

В психологии «коммуникативное намерение» понимается как цель, ради которой производится речевое высказывание. Если следовать классификации высказываний по их общей цели, каждую из таких целей можно соотнести с обобщенной интенцией: сообщить, осведомиться о чем-либо или побудить к чему-либо. В любом коммуникативном акте можно выделить комплекс "породивших" его мотивационно-целевых первопричин. При этом, как правило, можно выделить уровень осознаваемых как коммуникатором, так и коммуникантом, целей, которые практически несложно сформулировать, и уровень далеко не всегда осознаваемых и потому крайне сложно формулируемых как коммуникантом, так и самим коммуникатором мотивов, связанных с его эмоциями, ассоциациями. Влияние сложного комплекса мотивов и целей на деятельность, общение и особенности взаимодействия людей неоднократно отмечалось самыми разными исследователями.

Как указывал А.А. Ухтомский, действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действительную, аффективно-волевою подоплеку... При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания ее мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. В силу вышесказанного, для выявления осознаваемого коммуникативного намерения автора необходимо учитывать весь контекст порождения текста, необходимо выявить мотивы автора, соотнести их с содержанием высказывания и по возможности отсеять лишнюю, факультативную информацию.

По мнению А.Н. Баранова, «факультативные следствия, в которых представлена факультативная, но вербализуемая информация, близки по своим свойствам предположениям.... Именно в этом смысле факультативные следствия следует рассматривать как аналоги

выражения предположения, но не утверждения. Таким образом, анализируемые в экспертизе текста «скрытые, или имплицитные, утверждения должны быть обязательной и вербализуемой частью имплицитной части плана содержания языкового выражения» (Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007, с.46-47), остальные виды имплицитной информации не могут быть основанием для выводов эксперта.

6. Нельзя также не заметить грамматические и стилистические ошибки, допущенные соавторами заключения В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко **одновременно с ошибками теоретического характера.**

Достаточно привести в качестве примера формулировку: в представленном материале «содержатся высказывания, которым имплицитно присуще преднамеренное коммуникативное намерение оправдания терроризму, то есть подтекстовая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также ввиду способности этих единиц приращивать смыслы...». Здесь обнаруживается и тавтология, и неправильное управление; кроме того, в описании коммуникативных процессов авторы подменяют субъект коммуникации (коммуникантов) его объектом (языковыми единицами).

ВЫВОДЫ:

Таким образом, **«Заключение судебно-лингвистической экспертизы» В.Н.Белоусова и А.К.Руденко**, произведенной по материалам административного дела № 2а-1270/2019 на основании определения Псковского городского суда Псковской области от 26 апреля 2019 года, копия которого представлена на рецензию, с лингвистической точки зрения, **не является достаточно обоснованным, страдает неполнотой и поверхностным анализом спорных текстовых материалов.**

Выявленные методические и исследовательские просчеты приводят экспертов В.Н. Белоусова и А.К. Руденко **не только к значительному количеству недоказанных экспертных позиций, но и к недоказанным общим выводам по вопросам, поставленным судом.**

В ходе проведения исследования экспертами В.Н. Белоусовым и А.К. Руденко допущено нарушение ряда положений ФЗ №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности».

Выявлен выход экспертами за пределы компетенции лингвиста.

С лингвистической точки зрения, заключение В.Н. Белоусова и А.К. Руденко не может быть признано допустимым доказательством.

**Академик РАН,
доктор филологических наук, профессор,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам**

М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ

**Кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, действительный член
Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам**

Е.С.КАРА-МУРЗА

ПОДПИСИ М.В. ГОРБАНЕВСКОГО,

Е.С. КАРА-МУРЗЫ ЗАВЕРЯЮ:

*Зам. учёного секретаря Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам,
кандидат филологических наук*

В.О. МАКСИМОВ

м.п.